

© 2008 г. Е.Я. Режабек

КУЛЬТУРА КАК МЕТАРЕГУЛЯТИВ ЛЮБЫХ ФОРМ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье прослежена историческая смена когнитивных форм культуры: когниция – концепт – категория. Особое внимание уделено трансформации концепта причины в категорию причины. Современная наддизъюнктивная рациональность противопоставляется классической рациональности. Делается вывод, что все когнитивные формы культуры выполняют регулятивную функцию.

Ключевые слова: когниция, концепт, дизъюнктивные категории, прототипические категории.

При логическом рассмотрении соотношение разума и культуры имеет дизъюнктивное решение: либо разум – часть культуры, либо культура – часть разума. Последнее решение присуще платонизму. Для Платона те способности человека, которые мы называем культурой – это низшая и самая недолговечная часть божественного разума. Идея божественного разума как источника культуры не может быть ни подтверждена, ни опровергнута: она не поддается эмпирической проверке. Но самым серьезным продвижением философии было признание Платоном регулятивных функций идей как когнитивных образований в составе культуры: его философский анализ идей как высшей инстанции и *программы* всей жизнедеятельности полисного человека. Этот тезис Платона имеет вполне материалистическое прочтение. Так, у Э.В. Ильенкова не вызывает сомнения тот факт, что в продуктах культуры мы находим бестелесную, т.е. *идеальную* форму, управляющую судьбами вполне телесных форм. В соотношении разума и культуры идеальность, – пишет Э.В. Ильенков, – «предстает как закон, управляющий сознанием и волей человека, как объективно принудительная схема сознательно – волевой деятельности» [1, с. 261].

О месте культуры в жизни человека прекрасно сказал И. Кант: «Развитие (cultura) своих естественных сил (духовных, душевных и телесных) как средство для всяческих возможных целей есть долг человека перед самим собой» [2, с. 384]. Конечно, для И. Канта духовные и душевные силы человека лежат в основе его телесных сил. Но соотношение разума и культуры не обязательно мыслить в дизъюнктивном ключе. Говорят: «разум контролирует культуру». На наш взгляд, нужно сказать иначе: «Разум, контролирующий самые судьбоносные проявления жизни, это и есть *культура*, а именно *высокая культура* человека как результата всей всемирной истории». Разум и культура совпадают: это две стороны одной и той же сущности. Можно сказать иначе: Разум *в своей регулятивной функции* – это и есть культура. Именно разум в его регулятивной функции выполняет высшую смыслополагающую и смыслоопределяющую задачу: структурировать опыт, как индивидуальный так и общечеловеческий. При этом скрытой подоплекой Разума, его движущей силой является культура. Иначе говоря, без когнитивной составляющей нет культуры, точно так же, как без культурной составляющей нет Разума.

Придание смысла любому человеческому действию или поступку есть деяние культуры, но придание смысла – это *когнитивная* деятельность. В собирательном смысле когнитивную составляющую культуры принято называть *интеллектом*: «он же – «ум», «здравый смысл», «рассудок», «разум», «мышление»» [3, с. 235].

Когнитивная сторона культуры, ее когнитивный строй крайне разнороден и состоит из исторически сложившихся и далеко неравноценных пластов. По современным пред-

ставлениям когнитивной науки в когнитивном строе культуры можно выделить когниции, концепты и дизъюнктивные категории. Когнитивный строй культуры не сводится к философским или нравственным идеям. Помимо названных, к элементам когнитивного строя культуры относятся: узуальные установки, архетипы, модели, артефакты. Иначе говоря, культура того или иного общества характеризуется своим, только ей присущим когнитивным строем. Мы согласны с А.Ю. Шемановым, что «жизненный опыт передается и делается доступным как для самого человека, так и для других посредством воплощения в культурных формах» [4, с. 122]. Если культура – это ментальный строй, обеспечивающий аккумуляцию, переработку, трансляцию и продуцирование культурных смыслов, то важно подчеркнуть, что и культурные смыслы и культурные формы не совпадают в разные исторические эпохи. Прежде всего нужно различать сенсорно-моторный и знаниевый способы полагания культурных форм. В силу использования сенсорно-моторных средств, которым отдается предпочтение, возникает экспериенциалистский слой культуры. К экспериенциалистскому слою относятся образы-схемы, ассоциативные конгломераты, экспериенциалистские метафоры и прочее. По представлениям таких авторов, как Дж. Лакофф, М. Джонсон, Ф. Варела, Э. Рош и др., наша когнитивная способность обусловлена биологической природой человека и его опытом взаимодействия с физическим и социальным миром. В рамках теории экспериенциализма допускается, что многие из культурных категорий восходят в конечном итоге к особенностям устройства и функционирования человеческого тела – например, его асимметрии, проявляющейся в наличии у человека «верха» и «низа», «переда» и «зада», «правого» и «левого» с их различной ролью в движении (лицом вперед в норме). Важная роль приписывается самому осознанию поверхности тела как границы между «внутренним» и «внешним» мирами, связанными между собой некоторыми каналами.

Когнитивной единицей может служить образ-схема... «Это повторяющийся динамический образец наших процессов восприятия и наших моторных программ, который придает связность и структуру нашему опыту» [5, с. 14]. Согласно М. Джонсону, физический опыт, основанный на наших пяти чувствах является тем, что мы понимаем буквально. Он включает двигательный опыт, ощущение телесного положения и движения. По мысли Джонсона, многие абстрактные концепты являются расширением физических концептов. Отталкиваясь от схем двигательного опыта, мы говорим, что *кому-либо далеко до совершенства*, можно *уводить кого-либо в сторону* и работа может *тормозиться* каким-либо препятствием. Такие метафоры переносят наше телесно-основанное понимание вещей на широкий круг абстрактных понятий. Так автоматизмы чувствования «в близь» и «в даль» продолжают жить в нашем сознании. Опора на сенсорно-моторный опыт – это исходная ступень возникновения когнитивных образований. Для неразвитого архаического сознания были характерны: (1) нечеткая рубрикация явлений (грамматически различные слова, как правило, имели пересекающиеся экстенционалы) (2) ограниченность и фрагментарность сенсорно-моторной информации о мире приводила к возникновению холистско-нерасчлененных форм сознания, (3) допонятийное схватывание действительности обуславливало отсутствие в сознании жестко выстроенных логических структур. Культурные формы были наполнены вечно нарождающимися и вечно тающими смыслами. Своеобразие архаического интеллекта характеризовалось рвано-хаотическим строем.

Наибольшую трудность для архаического сознания представляло проведение дизъюнктивных границ между явлениями и предметами окружающего мира. В сознании господствовали конгломератные единства различных признаков. Интеллектуальной и языковой формой воплощения таких единств служили так называемые «когниции». Выражаясь словами Р. Барта, можно сказать, что когниция являет собой «конденсат неоформившихся, неустойчивых ассоциаций». Отличительная черта когниции – «размазанность» семантического содержания. И у современных людей мы встречаемся с приблизительными

обозначениями, с неточными названиями предметов и неточными названиями действий. Так в языке появляются выражения: *это самое, штучка, туда* и прочее. Один из основоположников когнитивной психологии – Джордж Келли – в качестве классического примера конгломератного конструкта приводил высказывание: «если этот человек продавец автомобилей, он, скорее всего, нечестен, жуликоват и умело обращается с клиентом». Я бы сказал, что это достаточно емкое обозначение самых различных авантюристов. В неизменно превосходящей степени приблизительность и размытость семантики характеризовала архаическое мышление. В этом отношении исключительно выразительное описание языка австралийского племени аранта мы находим у С.Д. Кацнельсона в статье «Язык поэзии и первобытно-образная речь». Так, в языке аранта существительное *jlbala* значит: «перо птицы», «крыло», «плавник рыбы», «овальный лист дерева», «кусты чайного дерева, растущие на побережье рек», слово *mbara* значит «колени», «кривая кость», «извилистая река» и «мясные черви», *pantija* – «длинные свисающие волосы», «черная ночь» и «пучина морская». О когнитивных успехах племени аранта С.Д. Кацнельсон пишет так: «Если первобытный человек называет овальный и остроконечный лист дерева тем же словом, что и птичье перо, то тем самым он отвлекается от зеленого цвета листа и некоторых других признаков и выделяет сходство формы как *основу для отнесения предмета к определенному классу вещей*. В другом случае, например, называя соленое озеро и белую ящерицу одним словом, он отвлекается от конфигурации предметов, величины и т.д. и выделяет сходство цвета в качестве *основы обобщения*» [6, с. 309]. В архаическом сознании вещи идентифицировались преимущественно по причастности к полю зрения. В сознании преобладали зрительные впечатления. В наглядной ситуации одну черту предмета человек увязывал со сходной чертой другого предмета, объединяя их по смежности в поле зрения. Конгломератный образ был сконцентрирован на том, что было видимо и ощущаемо, будучи ограничен зрительной данностью. Сопричастие одного другому фиксируется вслед за перемещением глаза от рецепции одного фрагмента опыта к рецепции другого фрагмента опыта. Вот почему названия ситуативной соположенности семантически гетерогенны. Сопоставление признаков вещей по их причастности к полю зрения, по размещению вещей на наиболее близком расстоянии приводит к совершенно произвольной агглютинации перцептивных содержаний. Идентификация признаков как бы теряется в безразмерном пространстве неартикулированных вещей и готова ухватиться за любое сопоставление, за любое сходство, вылезшее на глаза. Случайный характер агглютинируемых признаков становится ведущим принципом объединения знаменательных элементов в составе большинства слов. Пространственная смежность объединяемых признаков служит главным и достаточным основанием их агглютинации. Каждое полнозначное слово содержало изобразительный момент и отражало предмет в живом сочетании форм и красок. Такое сознание еще не поднялось до родо-видовых дистинкций, отличающих одну вещь от другой. В идентификации признаков преобладало контурное сходство с изобразительным содержанием. Дизъюнктивные границы между элементами опыта приходилось проводить на пробу: методом проб и ошибок. Только на следующей исторической ступени когнитивности на смену ассоциативным конгломератам приходят именные классы.

Диффузно-размытое сознание – помеха на пути к успешному освоению человеческого опыта. Исторически диффузная ситуативная генерализация перерастает в дробное многоклассное моделирование мира, причем разграничительные линии между классами прокладываются *за пределами* сиюминутной ситуативности. Дистрибутивность возводится в ранг кодифицированной стратегии языка и мышления. Отнесение отдельного объекта к определенному классу одновременно выступает как вербальный акт приписывания объекту значения. Тем самым именные классы обеспечивают преддетерминированность векторов ассоциаций. Так, Дж. Лакофф (вслед за Р. Диксоном 1982 г.) проанализировал именные классы в языке дьирбал. В этом языке существительному предшествует один из

следующих префиксных показателей: *bayi*, *balan*, *balam*, *bala*. По Лакоффу эти классификаторы выделяют следующие базовые различия. *Bayi* относится к человеческим существам мужского пола, *balan* – к человеческим существам женского пола, *balam* – к съедобным растениям *bala* включает все остальное [7, с. 138]. В языке дьирбал диффузность уступает место дизъюнктивности, но большие разряды элементов опыта, объединенных классными показателями, в свою очередь оказываются диффузными. Так, префикс *bayi* в одинаковой степени приписывается мужчинам, кенгуру, опоссумам, летучим мышам, большей части змей, большей части рыб, некоторым птицам, некоторым насекомым, луне.

Для образования конгломератных единств мощным источником является мифология. Согласно мифу, рассмотренному Р. Диксоном, луна и солнце – это муж и жена, соответственно луна относится к I классу вместе с другими мужьями, тогда как солнце относится ко II классу вместе с другими женами. Понятно, что нам очень трудно найти сходство между водой, огнем и женщинами, но мировидение, мифологический генетизм ничего не имеет общего с половым генетизмом и пространственно-моторными членениями мира. В мифе рассказывается о том, что происходило в Первовремении, в эпоху Первособытий при сотворении мира. Ведь в мире дьирбал все рождается заново с каждым восходом солнца, но в эпоху Первотворения пестрый дронго (птица из отряда воробьиных) похищает огонь из когтей радуги – змеи, поэтому пестрый дронго принадлежит II классу так же, как огонь. В реальности мифа женщины ассоциируются с солнцем, которое ассоциируется с солнечным ожогом. Ожог, в свою очередь, ассоциируется с волосатым червем. Именно благодаря такой цепочке ассоциаций червь принадлежит к той же категории, что и женщины. При этом носители языка дьирбал не считают, что в огне или опасности есть нечто женственное. «Как сказано – так и должно быть». Других оснований мифологическому сознанию не требуется.

Отметим, что в связи и по мере регулятивного вмешательства в когнитивность мифологических оснований экспериенциалистские ориентиры уступали место неэкспериенциалистским ориентирам. Там, где на авансцену выходит мифология, человеческий интеллект от сенсорно-моторного полагания культурных форм переходит к *знаниевому* полаганию. На первый план выходит не попадание каких-то признаков вещи в поле зрения, а их экзистенциальная, жизненная значимость. В конгломератных единствах, фиксируемых именными классами, «прорезывается» и становится все более заметным отход от экспериенциалистских ориентиров. Надэкспериенциалистский подход генерируется развитием в коллективном сознании корпуса мифологии и мифологического знания. В отношениях с мифологическими персонажами зрительно-моторный опыт оказывается недействительным.

Корпус экзистенциально значимых ориентиров трансформируется по мере трансформации самой социальной жизни, по мере изменения социальных приоритетов последней. Так, у австралийских аборигенов социальное ранжирование членов общины находилось в зародышевом, неразвитом состоянии. Но вот у кавказских народов на протяжении их истории мы наблюдали иерархизацию общественных отношений, их усложнение и дифференциацию. Соответствующие изменения находят своей отражение в языке. С образованием социально ранжированного общества вся картина мира в сознании людей претерпевает перестройку. Сам космос втягивается в иерархическое структурирование: возникает дуальное членение мира с разделением космоса на мир сакральный и мир профанный. Высшие существа сакрального мира становятся управителями как по отношению к силам природы, так и по отношению к социально-нормативному поведению людей.

В своей работе «Именные (грамматические) классы восточнокавказских языков: система и история» (Махачкала, 2006 г.) А.Г. Магомедов показал, что дуальной организации космоса стало отвечать двучленное деление именных классов. К высшим существам сакрального мира обращаются с просьбами о помиловании, покровительстве, защите,

благополучии, исполнении желаний. Их почитают независимо от их действий и отношения к просьбам. Просьбы сопровождаются дарами и приношениями. Как отмечает автор, страх человека перед божеством – «страх перед потусторонним, перед неведомой реальностью (недоступной зрению и осязанию – подчеркнем мы – Е.Р.), сопутствующей ему на протяжении тысячелетий» [8, с. 115]. В соответствии с этой картиной мира дизъюнктивное членение именных классов в языке привело к выработке двух классов. При названиях божеств появляется классификатор *V*, а при всех остальных классификатор *r/d*. Крайне показательна дальнейшая историческая эволюция обоих классификаторов. К верховным носителям функции управления в социально престижном слое стали относить божества (они представлялись исключительно в облике мужчины), верховных служителей культов и носителей верховной светской власти. Соответственно круг персонажей, на которых стал распространяться классификатор *V* расширился. Следующий шаг престижной градации состоял в том, что к привилегированному слою общины стали относить людей, владеющих богатством. Это обстоятельство привело к этимологической новации в классе *V*, куда стали относить наиболее состоятельных владельцев имущества (или *бигменов* на языке социальной антропологии). Итак, дизъюнкция по надэксперименталистскому основанию – сакральности – профанности – переросла в дизъюнкцию социального престижа. В класс *V* вошли названия представителей привилегированных сословий и названия мифологических персонажей, представляемых в облике мужчины. Оппозицией классу *V* стал класс *r/d*, куда вошло «все остальное». При этом ни в одном из восточнокавказских языков мы не находим указаний на использование классификатора *V* при названиях женщины. Строгую дизъюнкцию мы можем обнаружить лишь в сопоставлении класса *V* с классом *r/d*, причем внутри класса *r/d* господствует конгломератная неразбериха чувствования «вблизи», произвольных ассоциаций, оказавшихся возможными в поле зрения. Иначе говоря, внутри класса *r/d* эксперименталистский подход по-прежнему господствует. На дизъюнктивный принцип артикуляции элементов опыта (как чувственного, так и сверхчувственного) накладывалось конгломератное состояние сознания, что и находило отражение в грамматическом строе языка соответствующего этноса. Можно было бы сказать, что первоначальная диффузность конгломератных единств уступает место дизъюнктивности, но дизъюнктивности опять-таки диффузной: «с рваными краями».

Из сказанного можно заключить, что на некотором этапе исторической эволюции классификаторов низкий статус женщины, ее зависимое положение в семье и обществе исключали необходимость представления лиц женского пола отдельным классификатором в грамматическом строе языка. Вместе с тем по мере улучшения социального положения женщин была расширена и система классификаторов, так что в более поздних системах классов нашлось место и для женщин. Так, в современном лакском языке к классу *V* относятся мужчины, к классу *b* названия лиц женского пола. Однако к «женскому классу» относятся отнюдь не все женщины, а только вышедшие замуж и занимающие в семье положение ее ведущих членов. Тем самым они приравниваются в своем семейном положении к мужчинам и отделяются от других лиц их же пола, которые попадают в класс *r/d*. В последний класс входят имена существительные, обозначающие животных и неодушевленные предметы. В лакском языке в их число попадают такие имена существительных женского пола как *duš* ‘девушка’, *sэи* ‘сестра’. Эти лица не занимают в семье самостоятельного положения и включаются в класс *r/d*, куда входят так же ряд животных, птиц, насекомых и неживых предметов. В отличие от именных классов эксперименталистское начало укрепляется в т.наз. прототипической категоризации. Прототипическая категоризация, как правило, отказывается от мифологических оснований членения мира. Здесь группировки предметов и явлений по телесно-осязательным основаниям приходят на смену конгломератной соположенности. Категоризация называется прототипической потому, что она ориентирует сознание на некоторую доступную органам чувств модель как на

прототип данной группы предметов. Прототип – это стереотипный образец, большинство (или часть) признаков которого присуще *всем* членам группы. Сам выбор прототипа, как правило, связан с наиболее часто встречающимся образцом в серии чувственно сходных предметов или событий. Так, в англоязычной картине мира прототипическая птица – это малиновка, а в русскоязычной – воробей. Следует признать: там, где прототип хвойного дерева – в групповом сознании *ель*, а прототип лиственного дерева – *осина* или *береза*, это большой прогресс в утверждении дизъюнктивной способности сознания, которое четко отграничивает хвойные деревья от лиственных. Пионерами в разработке теории прототипической категоризации были представители когнитивной психологии. Одновременно теория прототипов разрабатывалась в этнолингвистике, в теоретическом языкознании и философии. В исследовании прототипических категорий Э. Рош ориентировалась на психологические предпочтения, делаемые людьми. На то, какие вещи наиболее легко замечаются людьми, на то, какие вещи люди наиболее легко запоминают (прототип оставляет наиболее надежный след в памяти), на то, как люди делают обобщающие выводы от одной вещи к чему-то другому, физически подобному ей. Вывод, к которому приходит Э. Рош, гласит, что прототипы выступают в роли *когнитивных точек отсчета* разного рода и образуют базу для умозаключений [9].

Следует отметить, что экспериенциалистские признаки в прототипических категориях структурно упорядочены, тем не менее они не обеспечивают той дизъюнктивной строгости, которая присуща научным таксономиям. Прототипическая категория – структура в составе «наивной» картины мира, поэтому нас не должно удивлять наличие в прототипической рубрикации этимологических содержаний с пересекающимися экстенционалами. Разницу между научным и донаучным восприятием мира можно показать на таком примере. Так, первый русский перевод Библии относится к 1876 г. этот перевод стали называть *синодальным*. В этот период русскому обществу были хорошо знакомы естественнонаучные классификации животных и растений. В синодальном переводе Книги пророка Ионы говорится, что Господь послал для испытания Ионы *кита*. Но в еврейском оригинале Библии, восходящем к XIII-XII вв. до н.э., было написано: «И предуготовил Господь рыбу большую (“даг – гадоль”»)). Понятно, если ориентироваться лишь на немногие экспериенциальные признаки (наличие плавников, обтекаемого тела, водный образ жизни), кита легко зачислить в класс рыб. Но притча о «чуде-юде рыбе-кит» опирается на народную таксономию и народную этимологию, которая с точки зрения серьезной науки не выдерживает критики. Так что значение прототипической категоризации в познании мира не следует преувеличивать: ей принадлежит достаточно скромная роль присущая преднаучному знанию. «Фамильное сходство» (Л. Витгенштейн) кита и рыбы оказывается мнимым. В то же время на экспериенциалистском уровне находится слой самых распространенных метафорических выражений. Как правило, мы прибегаем к метонимическим переносам не задумываясь об их первичном значении. В 1989 г. для английского языка Дж. Лакоффом с коллегами был составлен *Базовый список* наиболее употребительных метафор. Когнитивная природа метафорических переносов была исследована Дж. Лакоффом совместно с философом М. Джонсоном в книге «Метафоры, которыми мы живем» (1980). Многие метафоры оказались связаны с физическим опытом человека. В словосочетаниях *высокий человек*, *высокое дерево* присутствует геометрическая референция, но затем пространственному образу стало придаваться переносное значение: *высокая скорость*, *высокая температура*, *высокое напряжение*, для характеристики человеческого интеллекта мы употребляем выражения: *высокая мораль*, *высокая ответственность*, *высокое мастерство*, *высокое искусство*. В социальной науке находим такие термины: «*высокий пост*», «*высокий суд*» и т.д.

И мистическое и экстатическое сознание оперирует когнициями, сознание, вступающее на путь научной рациональности, оперирует концептами. Концепт – это такая

когнитивная (соответственно культурная) форма, в которой научное знание только начинает складываться. Здесь оно находится *in statu nascendi*. В противовес когнициям в концептах на первое место выходят не сенсорно-моторные признаки, а логические связи и отношения. Концепт – это когнитивная структура, собирающая в один узел познавательные способности человека, направленные на один и тот же объект рецепции, а значит, и объект мысли. В то же время концепт – это способ переработки информации в режиме нечеткой логики. Семантика концепта становится все более упорядоченной и гомогенной, но еще во многом она опирается на интуитивные, аффективно окрашенные феноменологические моменты, присущие первичному осознанию «жизненного мира».

Переход на ступень научной рациональности – это крайне медленный процесс, втянутый в историческую смену разных типов культуры, несводимых к когнитивности как таковой. В возникновении науки решающую роль сыграл концепт причинности, его историческое формирование мы и постараемся рассмотреть. Причина есть то, что вызывает к жизни некоторое явление или событие, но в мифическом сознании вызывать к жизни может любой магический акт или магический предмет. Высшим существам по определению принадлежит магическая сила, которая так сказать «пропитывает» весь окружающий мир. В такой когнитивности любой предмет может стать *причиной* магического действия, и соответственно либо навредить, либо укрепить силы как автора причинного действия, так и преобразовать объект, на который магическое действие оказалось направлено. Чтобы навредить какому-либо человеку, достаточно завладеть каплей его слюны, или каплей крови, завладеть обрезком волос или ногтей. В силу такой установки обыденного сознания франкским королям было запрещено стричься на протяжении всей их жизни. От этого наследия мифологической культуры концепт причинности очень долгое время не мог избавиться.

Действия высших сил, которыми люди населили мир, антропоморфны, поэтому первые представления о причинности также были антропоморфны. В разделе «Тезаурысы терминов *to on, oysia, aitia, arche*» – ростовский автор А.В. Потемкин указывал, что в древнегреческом языке существительное *aitia*, имевшее бытовое хождение в значении «причина», «основание», «повод», обозначало также и обвинение». Самой древней формой этого слова является глагол *aitiaomai*, который у античных авторов, начиная с Гомера, значил «винить», «обвинять». В текстах Платона и Аристотеля этот глагол приобрел значение «объявлять причиной» [10, с. 336]. Очевидно, в таких терминах, как «учинитель» миропорядка или «вина» (за появление некоторого следствия) антропоморфный элемент далеко еще не изжит. Неполнота информации, фрагментарность эмпирических сведений о мире накладывала печать на такие философские концепты как «причина», «цель», «энтелехия», «субстанция» и прочее. В то же время предметно-практическая деятельность требовала отличать магические действия от естественных причин (воздействия огня, холода, ветра и т.д.). Когнитивность демифологизированной культуры требовала дизъюнктивного разделения природного мира и надприродного, но отказ от эффекта надприродности, отказ от антропоморфного изображения природы давался коллективному сознанию крайне трудно. Чтобы разобраться, чем природная причинность отличается от магического действия, нужно понять, что в природе вещество и энергия предмета А передается предмету В и *за счет этого* предмет В изменяется. Соответствующее представление требовало как минимум атомистического подхода к миру. Так что нас не должны удивлять следы антропоморфизма у древнегреческих «физиологов» VI в. до н.э. По Фалесу, «магнит имеет душу (психе) потому, что двигает железо». Диалектика противоположностей у Гераклита – это диалектика «вражды» и «дружбы», диалектика «войны» противоположностей. В космологической части своих воззрений Гераклит утверждал: «Солнце <правит> (кос) мосом согласно естественному порядку, будучи шириной в ступень человеческую» (фр. ЗДК). И в другом месте: Логос – Солнце «не преступает положенных

границ, ибо если оно [преступит] должные сроки, его разыщут Эринии [союзницы Правды]» (там же). «Фюзис» по-гречески «природа», «физиология» - первое наименование науки о природе, откуда следует, что в философии Гераклита *перемешаны* физиологические и антропоморфные элементы [11]. Освободить идею причинности от антропоморфных элементов впервые удалось Демокриту, а вслед за ним Аристотелю. «Производящее – причина производимого и изменяющее изменяемого» [12, с. 88] - стал утверждать Аристотель. Например, уплотнение ниток при пробивании утка бердом или разделение ниток челноком. В *физической* причинности не остается места для антропоморфности. Идея ирреальной зависимости вытесняется идеей реальной *верифицируемой* зависимости и тем самым произвол мифологических представлений устраняется. На этом примере мы видим, как концепт «причинности» вылупливается из концепта «вины».

На следующем шаге эволюции когнитивности концепт причинности перерастает в *категорию* причины на базе выработки той или иной естественнонаучной теории. «Материнским лоном» категории причины в XVII-XVIII вв. стало механическое естествознание. В механическом естествознании происходит дальнейшая элиминация антропоморфных представлений. Идеалом науки становится строгая дизъюнкция. Дизъюнктивность естественнонаучных понятий формируется с использованием всего арсенала научных методов. Главной опорой категоризации всех вещей и явлений становятся родо-видовые отношения, не допускающие пересечения экстенсиналов видовых понятий. Парадигмой («прототипом» таких построений, - если хотите) стали требования геометрии. Геометрия оперирует «абстрактными объектами», рассуждения о которых выстраиваются на основе цепочки непротиворечивых доказательств по принципу *tertium non datur*. Скажем, весь *род* треугольников исчерпывается тремя *видами*: прямоугольными, остроугольными, тупоугольными. Только на такой основе стала возможна механика и конструирование самых разнообразных механизмов.

Господство механических представлений в картине мира привело к выработке рассудочных понятий, о чем с полной определенностью написал И. Кант в «Критике чистого разума». Закон природы гласит, что «все происходящее имеет причину. ...Все события эмпирически определены в некотором естественном порядке; этот закон, благодаря которому явления составляют некую *природу* и делаются предметами опыта, есть рассудочный закон, ни под каким видом не допускающий отклонений и исключений для какого бы то ни было явления» По Канту, *механизм* естественной необходимости состоит в том, чтобы восходить до бесконечности от обусловленного к условию. «...Такую необходимость событий во времени по естественному закону причинности можно назвать механизмом природы» [13, с. 484]. Но если понятие движущей причины исчерпывает законосообразность неживой природы, то оно совершенно неприменимо в области живой природы. В статье «О применении телеологических принципов в философии» (1788 г.) Кант прямо утверждает: «Так как понятие организма уже предполагает, что существует материя, в которой все взаимно связано как цель и средство, и это даже можно мыслить только как *систему конечных причин*, стало быть, возможность такой системы допускает лишь телеологический, а никак не физико-математический способ объяснения» [14, с. 91].

Итак, помимо неживой природы существует еще живая природа. Для объяснения специфики организации живого Кант проводит разграничение между каузальностью конечных (*cause finalis*) и движущих причин (*cause effi. scientes*) Кант прямо говорит, что конечная причина – это причина, которая производит не другую вещь, а самое себя. Отметим, что в самом наименовании подобных причин И. Кант еще не освободился полностью от антропоморфных элементов: четкого разграничения в наименованиях «цель» и «результат» применительно к содержанию целевой причинности И. Кант не проводит. Само наименование *causa finalis* придает понятию конечной причины ментальную, субъективную окраску. И. Кант так до конца не осознал, что в рамках конечного причинения и человек и жи-

вое существо могут изменять направление своих преобразований, откуда у человека появляется свобода воли, которую нельзя относить лишь к трансцендентальной сфере. Но в той же живой природе мы обнаруживаем, как с изменением экологических условий у живого существа изменяется фенотип и способ фенотипического поведения. Иначе говоря, естественная необходимость *допускает* вариативность причинно обусловленных результатов, совершенно чуждую простым механизмам. Только тогда, когда у человека есть *выбор* между какими-то альтернативами поведения, можно говорить о свободе воли и моральной ответственности личности.

Полностью прав был Р. Карнап, когда написал: «Без регулярностей в причинной структуре мира не могло бы быть ни моральной, ни правовой ответственности... Без причинности в мире не было бы смысла в воспитании людей, в каком-либо моральном или политическом принуждении» [15, с. 294]. Со своей стороны хочу обратить внимание на радикальную смену парадигмы причинности в составе синергетической картины мира. Только тогда, когда *cause finalis* была осмыслена синергетикой как *возвратное причинение*, антропоморфизм был окончательно изгнан из философского и естественнонаучного понимания природы и общественной жизни. К высшему ярусу когнитивного строя культуры относятся мировоззренческие категории («пространство», «время» и др.) и идеи («Бог», «жертва», «спасение»). Соответственно семантика идеи бога способна предопределить ту или иную теоретическую конструкцию в науке. Протестантский бог, католический бог, буддистский бог – это разные боги, и семантика соответствующей идеи предтерминирует картину мира, а в конечном счете преддетерминирует способ политического устройства той или другой страны, ценностные установки этнической культуры. Культура – это реальность осуществленных целей родового человека. Поле культуры – это поле общих дел, чувств и мыслей. Поведение человека в составе мифологической культуры будет отличаться от поведения человека, освоившего естественнонаучную культуру. Отнесение человека к привилегированной или непривилегированной группе посредством именной классификации задает определенную *программу* деятельности. Дизъюнктивные или недизъюнктивные когнитивные образы *по-разному* направляют человека к достижению его целей. Формы культуры – это организующие принципы человеческой жизни, т.е. они выполняют регулятивную функцию. Регулятивность есть орудие и техническое оснащение культуры. Там, где нет регулятивной составляющей (а культура выполняет еще и конститутивную функцию), нет и самой культуры.

Феноменология ни в какой предметной области не имеет однозначных границ и четкой структуры, поэтому когнитивным средством репрезентации феноменологических явлений могут быть только концепты, а для репрезентации сущностной стороны нужны понятия и категории. Так же, как на смену феноменологии приходит эссенциалистское познание, так на смену концептам приходят дизъюнктивные категории. Когнитивные структуры, репрезентирующие инвариантную сторону объектов, в силу своей всеобщности становятся всеобъемлющими регулятивами. К примеру, форма всеобщности – залог повсеместной применимости научных выводов. Выше мы показали, что содержание категории причинности будет различно в составе классической и в составе постнеклассической науки.

В классической новоевропейской рациональности способы обработки информации опираются на дизъюнктивную логику. Но вот беда: дизъюнктивные категории, положенные в основу классической науки, уже исчерпали себя. Классическая рациональность наделяет мышление способностью и последовательной обработке информации, когда познание происходит ступенчато, шаг за шагом и носит аналитический характер. Но для современной науки такой рациональности уже недостаточно. Мир текуч, в нем все взаимосвязано, явления мира постоянно переходят друг в друга. Такие переходы, стычки, контакты не имеют четких границ, а потому требуют для своего понимания особой логики. Осознание определенности / неопределенности бытия в мире требует соответствующей перестройки

культуры. В когнитивном строе культуры рождается логика, основанная на текучих понятиях и текучих сущностях.

В картину мира врывается принцип бесконечного становления с указанием той закономерности, которой подчиняются все отдельные точки данного становления. По самой своей природе познание текучести является диалектическим. Оно признает *становление сущности и альтернативность* в следствиях одной и той же причины. Постнеклассическая парадигма рациональности утверждает: недопустимо кастрировать сознание: отсекал весь шлейф интуиции, продуктивного воображения, экспериенциалистских приемов. Из сферы истины непозволительно элиминировать исторические, культурные, психологические характеристики познаваемого объекта. Формой и орудием нового типа рациональности становятся наддизъюнктивные образования. Происходит отрицание уже пройденной ступени познания с сохранением положительного содержания предшествующей когнитивности. Как мы пытались показать, поступательный ход в эволюции культуры означает продвижение от менее организованных культурных форм к более организованным культурным формам: от дорациональных когниций к полурациональным концептам, от все более упорядоченных концептов к дизъюнктивным категориям и, наконец, к наддизъюнктивным формам культуры. В когнитивном строе культуры дизъюнкция с «рваными» краями уступает место строгой дизъюнкции, а последняя перерастает в наддизъюнктивное образование возвратного причинения. Все этапы такого движения подчиняются закону *aufhebung*: отрицанию с сохранением некоторых аспектов отрицаемого. На наш взгляд, именно такой наддизъюнктивной рациональности принадлежит будущее [16].

В когнитивной науке идея концептосферы культуры разрабатывается многими авторами. Так, согласно Ю.С. Степанову, концепты являются носителями и основной ячейкой определенной культуры, представленными в ментальном мире человека. Сама культура, по Ю.С. Степанову, и С.Г. Проскурёну это совокупность взаимосвязанных концептов, взятых в их диахронических и синхронических отношениях [17]. Если не проводить различий между когницией, концептом и категорией, можно полностью присоединиться к теоретической позиции указанных авторов.

Литература

1. Ильенков Э.В. Диалектика идеального // *Философия и культура*. М., 1991.
2. Кант И. Сочинения. 6 т.т. Т. 4, ч. II. М., 1965.
3. Ильенков Э.В. Чудеса Господни и чудеса повседневности. Неопубликованные работы // Ильенков Э.В.: личность и творчество. М., 1999.
4. Шеманов А.Ю. Самоидентификация в традиционной и нетрадиционной культуре // *Постижение культуры: Ежегодник*. Вып. 11. М., 2001.
5. Johnson M. *The body in the mind: the bodily basis of meaning, imeaning, imagination, and reason*. Chicago. 1987.
6. Кацнельсон С.Д. Язык поэзии и первобытно-образная речь // *Известия вузов АН СССР. Отд. литературы и языка*. 1947. Т.6. Вып.4.
7. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М., 2004.
8. Магомедов А.Г. Именные (грамматические) классы восточнокавказских языков: система и история. Махачкала, 2006.
9. Rosch, Eleanor and Carolyn Mervis. *Family Resemblances: Studie in the Internal Structure of Categories*. // *Cognitive Psychology*. 1975. №7.
10. Потемкин А.В. Метафилософские диатрибы. На берегах Кизитеринки. Р.н/Д. 2003.

11. *Масалова С.И.* Философские концепты как регулятивы гибкой рациональности: Трансформация от Античности до Нового времени. Ростов н/Д. 2006.
12. *Аристотель.* «Физика» // Соч. В 4-х тт. Т. 3. М., 1981.
13. *Кант И.* Критика чистого разума. Соч. В 6-ти тт. Т. 3. М., 1965.
14. *Кант И.* О применении телеологических принципов в философии // Т. 5. М., 1966.
15. *Карнап Р.* Философские основания физики. Введение в философию науки. М., 1971.
16. *Масалова С.И.* Философские концепты гибкой рациональности: трансформация от античности до нового времени.
17. *Степанов Ю.С., Проскурин С.Г.* Концепты мировой культуры. М., 1993.